

Наталья Володина,  
доктор исторических наук

# СОЦИОЦЕНТРИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

## ВВЕДЕНИЕ

Современная национальная экономика любого государства, в которой применяются общие для всех государств механизмы регулирования, неизбежно испытывает на себе влияние традиций прошлого развития. В полной мере это относится и к национальной экономике России, отличающейся своеобразием исторического развития и системой ценностей в экономической сфере. Экономические традиции отражают целостный образ жизни с присущими ему ценностями, формировавшимися на протяжении веков. В каждой новой исторической ситуации экономические традиции и стереотипы массового сознания проявляются вновь. По выражению Ю.М. Осипова, «человек учреж-

дает экономику» и делает он это не самопроизвольно, а опираясь на уже существующие фундаментальные ценности, хозяйственные стереотипы и экономические традиции.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Единого определения термина «экономическая традиция» в современной науке не существует, что объясняется, очевидно, многогранностью и многоплановостью самого явления. На наш взгляд, наиболее полно сущность экономической традиции раскрыта в определении, предложенном петербургским исследователем Новиковым А.В.: «Хозяйственные традиции — ►



это элемент национальной культуры и результат социального и экономического опыта; исторически сложившиеся обычаи, нормы и модели поведения, отмеченные повторяемостью, претерпевшие длительную эволюцию в результате действий исторических сил и внешних условий, которые позволяют отбирать, накапливать, хранить и передавать последующим поколениям их как эталоны социального, экономического, культурного поведения. Это установившийся порядок и неписанный закон функционирования всех сторон хозяйственной жизни в определенных условиях и в определенных жизненных ситуациях» [8].

Традиции в целом, в том числе и экономические, представляют собой устойчивый стереотип массового сознания, присущий большинству данной общности. Составляющие национального сознания во многом определяются историческим развитием страны, особенностями социальных отношений в конкретных географических условиях и пространстве, хозяйственной практикой.

Необходимо определить и понятие «социоцентризм», который является одной из доминант российского массового сознания. Суть его — в растворении человеческого «Я» в интересах Империи, Царственной Особы, Культа, Обычая, Идеологии или просто Государства. «Всю эту палитру объединяет отсутствие представления о самоценности человеческой индивидуальности, о том, что смысл человеческой жизни не сводится к вкладу в поддержание и развитие какой-либо более широкой системы. Индивид в этих построениях всегда есть средство и никогда — цель» [9]. Под социотризмом понимается расстановка приоритетов, характеризующая преобладанием интересов не индивида, а общности — коллектива, общины, государства — которая является высшей ценностью.

Социоцентризм, сформировавшийся в результате внутренних предрасположений и причин, является в известной степени эндогенным для российского социума. Свой исторический путь Россия начала в условиях господства традиционной культуры. Ее можно назвать общинной, что связано с господством общинной формы экономической деятельности, составляющей сердцевину жизни народа. Длительное существование общины как социально-экономического явления обусловило возникновение и закрепление в российском массовом сознании социо-

центризма. Община — несомненно, самородное, спонтанно возникшее социально-экономическое явление, в котором, в том числе и под влиянием внешних факторов, проявилась способность и потребность людей к самоорганизации, к жизни в коллективе, сообще. Сельская община выступала главным носителем природного начала, что определило ее традиционализм и консерватизм. Понять влияние общины на возникновение социотризма невозможно, не рассмотрев систему ценностей, на основе которых она функционировала.

Широкий исторический отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что крестьянское хозяйство — это не только одна из форм организации аграрного производства, но также мировоззрение людей, образ их жизни, хозяйственной деятельности, способ существования в неразрывной связи с миром живой природы. Прежде всего, самоценна была сама община, «мир» как основа и предпосылка существования любого индивида. Ради «мира» человек должен был быть готов пожертвовать всем. Интересы индивида отходили на второй план, более того, становились тождественны интересам общины, не мыслились отдельно от них. Только подчинение интересов индивидов интересам общины позволяло выжить наибольшему числу людей. Историческая судьба России всячески укрепляла представление об общине как о высшей ценности.

Общинная культура содержала представление о личности только как о носителе способности раствориться в целом. Выживаемость личности в этой культуре не была самоценностью, но лишь условием и средством для выживаемости некоторого целого — патриархальной семьи, рода, кровнородственной, а затем территориальной общины. Личность, ее выживание оценивались позитивно лишь в той степени, в какой она отказала себе в праве быть источником выходящих за рамки статичного идеала инноваций. А. Ахизер утверждает, что «... единственный синкретический нравственный идеал, который можно обнаружить в первичных клеточках древних славян, — это вечевого идеала» [1]. Однако община возникла гораздо раньше вечевого формы управления, и последняя восприняла многие ее черты. На вечевого сходке, которую можно рассматривать как воплощение общинности, участвовали лишь главы домохозяйств. И





принятое вечевое, так же как и общинное, решение носило авторитарный характер, так как не признавало права меньшинства на свое мнение.

Общинная форма хозяйства была нацелена на сохранение исторически сложившейся формы выживаемости соответствующих сообществ, на неизменную эффективность их жизнеспособности. Община выступает как фундаментальная ценность, в зависимости от которой укрепилась определенная хозяйственная система со своим типом хозяйства. Отдельная личность в условиях общинных отношений поставлена в достаточно жесткие рамки общинной структуры, и ее самосознание проявляется, прежде всего, как осознание человеком себя именно как члена общины. Интересы общины-социума, являющейся гарантом более или менее благополучного существования общинника и его семьи, занимали центральное место в сознании человека. Наиболее суровым наказанием в отношении общинника являлось изгнание из общины, т.к. она являлась, пожалуй, единственным защитником его интересов перед лицом помещика и государства. Историческая судьба России всячески укрепляла в массовом сознании представление об общине как о высшей ценности. Неблагоприятный климат, рискованное земледелие вынуждали вести коллективное хозяйство. Постоянная угроза с Востока и Запада приводила к необходимости

существования общины для более эффективной защиты от врагов. Кроме того, община была нужна как колониционная хозяйственно-социальная единица для освоения огромных территорий, поскольку для этого нужен какой-то минимум достаточно прочно связанных между собой людей. Колонизация в таких условиях требует, во-первых, возможности быстрой взаимопомощи и быстрого, полноценного биологического воспроизводства населения, во-вторых, оба эти условия оптимальным образом выполнялись при общинной организации хозяйства.

Община несла ответственность за уплату налогов, выполнение государственных повинностей, оказывала помощь своим членам. Случаи добровольного выхода крестьян из общины были единичны. Община вплоть до середины XIX века не подвергалась целенаправленному разрушению. Однако особенно очевидно крестьянское сопротивление разрушению общины прослеживается во времена столыпинской аграрной реформы. По данным И.Д. Ковальченко, в пятидесяти губерниях европейской части России в 1905 году на общинном праве владели землей 76,6 % всех дворов, к 1916 г. из общины выделились 27 % дворов [6, с. 60].

В полной мере социоцентрическая традиция проявила себя в конце XIX — начале XX века: «Рабочая сила ►

промышленных предприятий страны лишь наполовину пополнялась за счет выходцев из рабочих семей, другая же половина — за счет крестьян, привнесших в пролетарскую среду крестьянские представления и психологию. Сохранявшаяся вплоть до 1917 г. связь рабочих с деревней накладывала определенную печать на образ мышления, представления и поведение рабочих... Сколько-нибудь сильной и прочной приверженности к собственности у большинства рабочих не было, и это можно объяснить... отсутствием частнособственнической традиции... И все же, несмотря на происходившие сдвиги и изменения во взглядах и стереотипах поведения, менталитет большинства рабочих оставался, в общем и целом, в рамках прежних представлений, освященных религией, церковью, официальной идеологией» [5, с. 56, 72].

Национальная специфика России и русского рабочего класса состояла в существенном влиянии на рабочее самоуправление национальных традиций трудовой демократии, коллективизма и самоорганизации, веками живших в русской крестьянской общине. «Выходцы из деревни держались друг друга, искали поддержки у земляков. Часто они селились вместе, снимая квартиру артелью... Выходцы из деревни, уже не занимаясь крестьянским трудом, старались и в городе воспроизвести общинный уклад жизни, и иногда там, где они проживали в пределах городской территории достаточно компактной массой, им это удавалось» [7, с.150-151].

Новой, гораздо более устойчивой общностью, нежели землячества, с развитием капитализма становились коллективы промышленных заведений. И именно там довольно рано начали проявляться элементы опыта общинной организации. На смену общине (территориальной, родовой, клановой, корпоративной) как социальному институту пришел производственный коллектив.

Главными чертами русской цивилизации, прежде всего отличающими ее от западной, являлись: преобладание духовно-нравственных основ над материальными, развитие самобытных коллективных форм демократии, воплотившихся в общине и артели: «Мелкое крестьянское хозяйство в России всей логикой своего развития шло к кооперации» [2, с.35]. Сущность кооперации — в ее двойственной природе — как предприятия и как движения. Кооперация поддерживает и развивает демокра-

тические институты — собрания, советы и т.д., существуя как идеология и как общественное мнение [4]. А. В. Чаянов рассматривал «интегральные земледельческие артели» — колхозы — идею «кооперативной коллективизации», т.е. постепенного перехода от индивидуальной к коллективной форме хозяйствования. Желая подчеркнуть добровольность этого процесса, автор даже ввел термин «самоколлективизация» крестьянства [2, с. 64].

Подчеркнем значение артели как одного из проявлений социоцентризма. После того, как добровольный характер пребывания в общине был утрачен, возникла первая форма производственной кооперации в России — артель. Как и в общине, в артели имело место сочетание двух форм собственности: частной и общей совместной. Необходимость того, чтобы часть артельного капитала находилась в общей совместной собственности членов артели, была, в частности, обусловлена и тем, что соответствующая доля дохода распределялась пропорционально трудовому вкладу каждого из участников в результате хозяйственной деятельности артели. Артель была исключительно русской формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Русская артель представляла собой добровольное товарищество равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Члены артели связывались круговой порукой, что подчеркивает ее общинное происхождение. А. Герцен считал артели «передвижными общинами». Артельные формы организации труда пронизывали русскую промышленность вплоть до второй половины XIX века. В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Демократический характер артели проявлялся не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения [10, с. 142]. Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации.



Общинные ценности ярко проявлялись и в XX веке после радикальной смены социально-политического и экономического строя. Массовый переезд крестьян в города способствовал укреплению социализма в массовом сознании. Урбанизация выливалась в стремительный и неоправданно резкий разрыв с прошлым, при котором уничтожение старых устоев далеко обгоняло складывание новых форм жизни. Трагедия раскрестьянивания деревни, приводившая к преобладанию в городском населении массы выходцев из села, не успевших усвоить даже азов урбанистической культуры, оборачивалась окрестьяниванием города. Попавшие в незнакомую среду, выходцы из деревень старались помогать землякам, «вызволять» родных и знакомых из своих деревень. Социализм имел весьма обширную социальную базу: Россия была страной, где к концу 1936 г. городское население составляло 18 %, и только в начале 1960-х гг. по доле городского населения (66 %) страна подошла к большинству развитых стран [3, с.58-60]. В большинстве своем рабочие не прерывали связей с деревней, где оставались их семьи и хозяйства. Бывшие крестьяне в городах держались обособленно, предпочитая работать артелями и селиться общинами, состоявшими из «своих» людей — выходцев из одной деревни. Жизнь во многом основывалась на многовековых крестьянских ценностях и традициях, которые определяли модели расселения и трудоустройства крестьян в городе, воспроизводили элементы крестьянской культуры и форм организации. Крестьяне более полагались на взаимовыручку, чем на помощь властей, обнаруживая, таким образом, традиционный для крестьянской общины коллективизм.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, система ценностей, на основе которых функционировала русская община, оказала значительное влияние на формирование и закрепление в общественном сознании социализма. Длительное существование не одного поколения в общине, «кузнице русского народного духа», обусловило превалирование интересов коллектива над интересами индивида, т.е. способствовало формированию социализма как одной из основных составляющих русского массового сознания. С этой точки зрения оценка социалистической составляющей массового сознания не может быть бинарной. Сам

по себе социализм, на наш взгляд, явился одним из факторов обеспечения жизнеспособности российского общества на всем протяжении его истории.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://coollib.com/> (дата обращения 19.02.2014).
2. Взгляды М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и современность: Сборник обзоров «Наследие отечественного обществоведения». — М.: ИНИОН, 1991. — 141 с.
3. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. — М.: Наука, 1991. — 135 с.
4. Иванов А.В. Революция 1917 года и кооперация. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2010. — №1 (13). — С. 32-39.
5. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX — XX веков // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. — СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский Информационный центр БЛИЦ», 1997. — 640 с.
6. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа. Мифы и реальность. // История СССР. — 1991. — № 2. — С.52-72.
7. Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Менталитет рабочих России на рубеже XIX — XX веков // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. — СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский Информационный центр БЛИЦ», 1997. — 640 с.
8. Новиков А.В. О роли традиции в глобализирующейся экономике // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. — 2010. — № 1 (33). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/> (дата обращения 19.02.2014).
9. Оболонский А.В. Драма российской истории: система против личности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [ecsosman.hseru](http://ecsosman.hseru) (дата обращения 19.02.2014).
10. Платонов О. Экономика русской цивилизации // Наш современник. — 1994. — № 4. — С.135—150.